

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ  
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ  
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ  
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР  
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"  
Главная редакция восточной литературы  
Москва 1977

## ОБ ИДЕЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ДИСКРИМИНАЦИИ ЯПОНСКИХ ПАРИЕВ

Идейно-психологический аспект явления дискриминации все еще мало исследован. Особый интерес в этом плане представляет анализ истории японских париев (а в Японии на протяжении столетий существовали самые различные группы презираемых, сэмин, каварамоно, сандзё-но моно, онбо, кавата, эта, хинин и др.), ибо они, в отличие от многих дискриминируемых общностей в других странах, — в расовом, национальном и религиозном отношении составляли со всем остальным населением Японии единое органическое целое. Это обстоятельство дает возможность лучше понять роль идейно-психологического комплекса в функционировании механизма дискриминации.

Обычно утверждается, что японские парии — это кожевники, бойцы скота, сапожники и т. д., которых презирают и дискриминируют на основе буддийских догм "осквернения" смертью и кровью. В таком определении эти догмы выглядят основным источником возникновения в Японии явления дискриминации.

Но так ли это?

Низшие социальные группы, поставленные в особое положение дискриминируемого меньшинства, возникли в Японии задолго до широкого распространения в ней буддийских догм "осквернения" (IX-X вв.), которые часто рассматриваются источником явления. Уже в 7 в. (в результате реформ Тайка, проводившихся с 645 года) существовавшие тогда низшие социальные группы по китайскому образцу были выделены в особое объединение — сэмин ("подлых"), противопоставленных рёмин ("благородным"). Таким образом юридически была закреплена ранее существовавшая практика сегрегации какой-то части населения страны.

В определенной мере она была связана с идеей "осквернения", которая входила не только в буддизм, но и в свод синтоистских представлений. Однако эта идея тогда вовсе не совпадала с рамками сэмин. Так, представители этой социальной категории занимались самыми разными видами деятельности в ремесле и сельском хозяйстве, в основном "неоскверняющими". А убоим скота

и кожевным производством довольно широко занимались крестьяне и ремесленники из числа "благородных". Таким образом, презрение к самми определялось тогда скорее чисто социальными идеями и предрассудками. В Китае, откуда было заимствовано деление людей на самми и рёмин, к самми относилось все лично несвободное население страны.

В 9-10 вв., когда буддизм уже проник и в бытовое мировосприятие народа, в положении низших социальных групп произошли заметные перемены. На них (на так называемых каверамано, сандзё-но моно, цурумэсо и др.) постепенно наложилась идейная схема буддизма, что в гораздо большей степени придало им дух "оскверненности". Все виды занятий, считавшиеся теперь уже неоспоримо "грязными", правящие круги навязали именно самми. Однако и после 9-10 вв. "оскверненность" вовсе не совпала с рамками низших социальных групп. Прежде всего, потому что большинство париев по-прежнему не были связаны с "оскверняющими" занятиями и деяниями. А кроме того, эта идея "оскверненности" в какой-то мере (как правило, временно) распространялась и на представителей "простого народа", на "обычных" японцев. Например, на какой-то срок любого человека могли "осквернить" смерть близких, употребление в пищу мяса, участие в похоронах, а женщины - менструация и роды. Наконец, одна из основных групп париев - хинни - вообще почти не была связана с оскверняющими занятиями.

Следовательно, и буддийские догмы "осквернения" не совпали с какими-то определенными социальными границами и даже в восприятии средневековых японцев не были основным и единственным источником формирования явления дискриминации.

В идейно-психологический комплекс этого явления, наряду с представлениями об "оскверненности", вошли и другие идеи. Например, идея навлечения беды. В бытовом сознании "обычного" японца существовало убеждение, что равное общение с париями может навлечь на него или на его близких любую беду - пожар, травму, болезнь, неурожай и т.д. Но и эта идея связывалась не только с социальной "оскверненностью" и была шире рамок париев. Например, и "обычные" девушки, родившиеся в год лошади (по 12-летнему циклу), также считались источником разных бед и практически находились в положении изгоев, которых боялись и презирали.

Кроме того, в идейно-психологический комплекс дискриминации входило также и представление о париях, как об особых, даже в биологическом плане, существах. "Обычные" японцы верили, например, что у них меньшее число ребер, чем некоторые кости собачьи и т.д. А эти представления уже полностью совпадали с группами сэммин.

И наконец, в рассматриваемый нами комплекс входили также и суждения о нравственной, личностной неполноценности, обязательной порочности всех париев. О том, что для них всех якобы характерны какие-то обязательные отрицательные черты, которые (не менее, чем все остальное) и делают их дискриминацию неизбежной и вполне оправданной и естественной. Это такие черты, в частности, как нечистоплотность, лень, склонность к предательству, обману, воровству, агрессивность, трусость и т.д. Правда, и эти черты, естественно, даже для самого предубежденного японца не ограничивались рамками сэммин. Но для последних, в отличие от "обычных" членов общества, они считались генетически заданными, неизбежными и обязательными, составлявшими важный элемент их социальной субстанции.

Таким образом, явление дискриминации и оказалось немного долговечнее догм "осквернения" и "навлечения беды", которые, следовательно, не могут рассматриваться в качестве источника его формирования.

И.Ш.Шифман

#### К ИСТОРИИ ПУНИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В СВЕТЕ АНТИЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРЕДАНИЯ

Памятники финикийско-пунийской литературы до нас не дошли; некоторые из них известны либо по изложениям или упоминаниям в сочинениях поздних античных авторов (такие как перипл Гимилькона, повествование Санхониятона, труд по агрономии Магона), либо в греческих переложениях (перипл Ганнона). Во всех этих случаях пунийские тексты подвергались обработке, так что более или менее определенно можно судить только о содержании этих памятников в общем плане. То же самое можно сказать и о пунийских исторических